

40 ЛЕТ НАЗАД СКОНЧАЛСЯ ИВАН БУНИН

А 60 лет назад он стал нобелевским лауреатом

In memoriam

Нобелевская премия, присужденная Бунину в 1933 году, стала одним из важнейших событий в жизни русской эмиграции. На премию, помимо Бунина, претендовали Д. С. Мережковский, А. М. Горький, И. С. Шмелев. Но то, что именно Бунин занял особое положение в русской прозе, для наиболее чутких критиков было очевидно и в 20-е годы. Статьи Г. Адамовича и К. Мочульского публикуются по еженедельнику «Звено» (Париж) от 11 февраля 1924 года и от 8 мая 1927 года.

Сергей ФЕДЯКИН

«ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ» И. А. БУНИНА

Константин Мочульский

В СБОРНИК И. А. Бунина «Последнее свидание» вошли рассказы, написанные между 1911—1913 годами на Капри. Назван он так по заглавию первого рассказа, но сейчас, через 14—16 лет после появления в свет этих небольших повестей о русской деревне, заглавие кажется не случайным. Последнее свидание с теми, кто ушел навсегда, с тем, что кончилось и больше никогда не повторится. В рассказах Бунина — правдивое и необыкновенно точное свидетельство очевидца и современника о быте и жизненном укладе старой мужицкой России. Знакомые, неповторимые черты, острое своеобразие «кособого», замкнутого и крепкого мира. Каждый рассказ построен вокруг какого-нибудь характерного лица. Краткое жизнеописание или «типичный» эпизод; герои не описываются от автора, а сразу же, с первых строк вовлекаются в действие. Несколькими поступками, двумя-тремя репликами они раскрываются перед нами. Средства изображения просты, почти скупы: выбраны немногие черты, неяркие краски: все украшения изгнаны. Нарочитая сухость и сдержанность письма. Вместо привычного пестрого, размазанного, кумачового, «style russe», — строгий иконописный рисунок. Каждое слово прочно и раз навсегда поставлено на своем месте: ни исключить, ни заменить его нельзя. В сочетании слов ощущается внутренняя необходимость: как будто творчество Бунина вне произвола. Автор свободен в своем выборе, но как только выбор сделан — все дальнейшее: композиция, развитие действия, словесная разработка — совершается по закону — по прямой линии, без отклонений в сторону и остановок по пути. Точность выражений Бунина поразительна: это особенно, одному ему свойственная математика.

В литературе мы привыкли к относительному и приблизительному, подорожкам смутных смыслов — звучный отдаленных ассоциаций и риторических фигур — только постепенно проясняется мысль-образ. Автор обычно заставляет нас проделать вместе с ним утомительную работу искания: он борется с непокорным языком: запутывается в сетях синтаксиса, предпочитает быть многословным и расплывчатым, лишь бы только не утерять мысли умственно верной и единственно нужной, которая мелькнула вдали. И — в случае удачи — точность дается нам, как награда за блуждания и поиски. Это — манера суживающихся концентрических кругов. У Бунина — процесс борьбы со словом спрятан от наших взоров. На страницах книги фраза выходит в блестящем вооружении, и мы не можем не признать ее подлинности. Нет сомнений: эта мысль могла быть выражена только так. Она совершенна, долает себе, избытка и проста, как формула, и жизненна, как организм. Что бы ни описывал Бунин — природу или людей, — его художественная правда не в копировании, а в понимании мер и отношений. Он знает лестницу ценностей: и в физическом, и в моральном мире у него острое чувство пространства — середина, верх и низ, центр и стороны. Никогда второстепенное не вырастет в главное, а главное не отодвинется в глубину. Дар «правдивости» равно присущ и зрению его, и воображению. Всякая разнужданность, анархия и причудливость чужда его строгому духу. Он никогда не теряет самообладания, не впадает в лирическое опьянение и пророческий пафос: спокойная и мужественная воля запечатлена в каждом его слове.

Называть Бунина натуралистом — значит не отличать зеленое от красного; к сожалению, дальнозритель этот весьма свойствен нашей критике. Натуралисты — это фотонгазы-лэбители, жаждущие использовать как можно больше пластинок. Все объекты кажутся им «любопытными»: и горный вид, и целующаяся парочка, и пасущиеся коровы. Но пресловутые «куски жизни» на их пластинках имеют такой же неестественно-деревянный вид, как фотографии новобранцев. Приемы Бунина прямо противоположны технике натурализма: как естествоиспытатель, он овладевает миром, повинаясь его законам. Можно подумать: мужики Бунина списаны с натуры: мы их узнаем, мы не сомневаемся в их реальном существовании. Неопытному читателю может показаться, что автор и не «сочинял» вовсе, а только «ловко подметил». Между тем, конечно, типы, выведенные в «Последнем свидании», — Иоанн Рыдалец, Авдья Забота, Аверкий, Агафья, коновал Липатий, Лукьян Степанов — никогда до Бунина и вне Бунина не существовали. Они живы, живей тех «настоящих», которых автору приходилось встречать, но на всех — печать их создателя. Это не только мужики такой-то губернии и такой-то эпохи, но прежде всего «бунинские» мужики. И они не похожи на столь же «настоящих» мужиков Тургенева и Григоровича. «Последнее свидание» по сюжетам и композиции невольно заставляет вспомнить о «Записках охотника». У Бунина есть и певец («Лирник Родион»), и «Живые мощи» (смерть крестьянина Аверкия в «Оброке»), и Хорь («Князь во князьях»). Самая форма — короткой психологической повести из крестьянского быта — близка к построению Тургенева. Но, сравнивая двух писателей, острее чувствуешь их коренное, несводимое различие. Тургенев — романтик — открыл новый, доселе неизвестный мир: он умилен и взволнован своим открытием: относится к нему эстетически и лирически. В его мужике что-то барское — изящное. У Бунина нет этого прекрасодушного отдаления: его взгляд пристальнее и зорче: он меньше умиляется и проникает глубже. Деревня Тургенева — такая, какой она «должна быть», деревня Бунина — какая она есть.

О «нобелевских днях» Бунина, первого нобелевского лауреата из русской эмиграции, написано много и будет написано еще больше. Опубликованы и продолжают публиковаться дневники, письма, мемуары и отзывы об этом событии не только самого Бунина, но и его ближайшего окружения, но и любые свидетельства современников, посвященные этим дням, которые стали большим событием в жизни всей русской эмиграции. Переписка Бунина с Марком Александровичем Алдановым (Ландау; 1886—1957), чью кандидатуру Бунина, начиная с 1933 года, постоянно выдвигал на Нобелевскую премию, — переписка эта большей частью опубликована. Письма Бунина Алданову 1941—1947 годов, хранящиеся в Бахметьевском архиве (Нью-Йорк), напечатаны Розой Федуловой в «Cahiers du Monde russe et soviétique» (1981, V. 22. № 4. P. 471—488). Письма Алданова к И. А. и В. Н. Буниным опубликованы Миллицей Грин в нью-йоркском «Новом журнале» (1965, № 80, 81). Вероятно, скоро увидят свет и остальные письма Бунина, хранящиеся в парижской части огромного архива Алданова, недавно переданной Российской Федерации культуры. Публикуемые здесь письма Бунина Алданову написаны осенью 1933 года, в самый канун нобелевских дней. Как часть Пражского эмигрантского архива они попали в ГАРФ (бывший ЦГАОР; ф. 6845. Оп. 1. Ед. хр. 349), вероятно, потому, что посылались Буниным из Грасса в Париж не в квартиру, которую Алданов как раз менял, а на адрес редакции газеты «Последние новости», где он сотрудничал. Материальное положение Бунина в начале 30-х годов было очень нелегким, и на Нобелевскую премию он возлагал большие надежды, хотя заставлял себя о ней не думать. Из писем хорошо видно волнение будущего лауреата. Последнее из публикуемых писем датировано 7 ноября 1933 года, а уже 9 ноября

Алданов звонил из редакции «Последних новостей» Бунину в Грасс, поздравлял с Нобелевской премией (см.: В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 484).

Олег КОРОЛЕВ

1. <не датировано>
Дорогой друг,
Во-первых, с великой радостью прочел Ваши заметки о Тургеневе, ибо ведь так бесконечно редки ум и вкус, а такие, как в этих заметках, — особенно — целую Вас сердечно!

Во-вторых, окажите услугу. Получил письмо: From Jos. B. Polonsky E 912 Hollywood Blvd, Hollywood, Calif «Имею возможность продать Ваш рассказ «Господин» из «Скан» - Франц<ско>» — ателье может купить только название (отдельно) или и рассказ (вместе). Не могу вести переговоры, пока не получу от Вас 1) доверенности, 2) Вашу цену за рассказ 3) или за название только (без содержания). Референция — Дм. Ружевский и Вячеслав Туржанский, — режиссеры в Париже» — Написано по-английски и по-русски.

Дорогой, что мне делать? Адамович врет, будто кто-то сказал, что я «не кончил консерватории», но по-хорошему «консерватории» я и правду не кончил. И вот не знаю, что ответить Полонскому? Как написать доверенность? На каком языке ее надо писать? Что сказать про цену? Готов продать, конечно, все с потрохами — и заглавие, и содержание — воображаю, что эти с.с. сделают!

Не знаю даже, где этот столь знаменитый Hollywood (ведь это каково — «Священный меч», значит, мне кажется!) — возле Лос-Анджелеса?

Отвечьте два слова, дорогой. Обнимаю Вас, кланяюсь дорогой Т.М.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Это письмо — между нами!

2. 18.X.1933. Грасс <почтовая

О БУНИНЕ

Георгий Адамович

В ТВОРЧЕСКОМ «пути» Бунина есть одно достойное внимания обстоятельство: это единственный из настоящих писателей последне-хоровского поколения, оставшийся вполне чуждым и даже враждебным тому поздне-романтическому вихрю, который пронесся в нашей литературе в последнюю четверть века и который был назван декадентством, модернизмом и многими другими, столь же условными именами.

Бунин сам насмешливо вспоминает, что Брюсов как-то сказал о нем: — Бунин хотя и не символист, но все-таки настоящий поэт. Эти «хотя» и «все-таки» казались ему признаком искусства взгляда. Но по-брюсовски относился к нему вся та группа русского искусства, которая лет двадцать пять назад объединилась вокруг «Мира искусства», «Скорпиона» и впоследствии «Весов», начала борьбу за власть и влияние и вскоре вышла в этой борьбе победительницей. Как всегда в искусстве, она была нетерпима. Ей казались отсталыми все, кто не сочувствовал ей. Надо быть справедливыми: основания к этому у «декадентов» были.

Еще и теперь, читая брюсовские предисловия к его ранним сборникам или статьи и заметки Ив. Коневского, нельзя не поддаться очарованию: действительно кажется, что это были коротко-промелькнувшие годы как-то безотчетных надежд, безотчетных предчувствий, действительно понимаешь головокружение и прерывистость дыхания у людей, вдруг заменивших традиции «общественности» и «борьбы за идеалы» перспективами всемирными и вечно-человеческими. И сочувствие это не уничтожается даже тем, что сейчас все позиции модернизма сданы, что мы знаем, как пусты оказались его выкрики и как бедно наследство.

Есть какое-то величие в этом общем и неудержимом устремлении к «последним тайнам» на переломе двух столетий, в переключении друг от друга голосов, как есть грандиозная поэзия в восхождении строителя Сольеса на башню — любочнейшем, в бытности, и грубейшем образе.

На современном уровне это должно было действовать неотразимо. Я думаю, что брюсовское замечание «хотя и не символист» не столько отражало литературно-партийную узость, сколько недоумение перед равнодушным поэтом, как мерещившимся ему перспективам.

Но прошла четверть века. Все стало перепрожитым, как казалось небывалыми художественными открытиями, и только то уцелело и бессмертно, что — как «Сольес» — согрето и спасено внутренним жаром, как бы мотивирующей формой, всегда понятным и всегда заразительным. Формы же, выдуманные ради них самих, оказались явно мертворожденными и погребли под своею пылью «остатки мысли и обломки чувства».

Нельзя решить, сказала ли в том, что Бунин остался в надменном и трезвом одиночестве среди разгула модернизма, его внутренняя сила или недостаток впечатлительности. Я опять повторю: не одни лишь слабые головы вскружило декадентство. Но теперь он может быть горд своей непоколебимостью. Его проза, даже самых «буйных» годов, ничего не потеряла в своей свежести. В ней нечему стареть. Его стихи, если даже помнить об их связи с Маяковским и Голенищевым, с эпохой оскудения поэзии, все-таки лучше стихов почти всех его сверстников именно благодаря отсутствию всяких «завоеваний»; они проще, суше, точнее, приятнее.

Бунин упрекает в близорукости критиков, нашедших в его даровании «что-то тургеневское, что-то чеховское». На Чехова он действительно похож мало. Тургенева же иногда напоминает более, чем какой-либо другой из наших писателей: есть «что-то тургеневское» в этом смешении помещика, любящего осеннюю охоту, самовар и беседы о земстве, с русским «эллипсизмом», чуть-чуть брезгливым. От Тургенева же у Бунина и любовь к вещи, всегда стройная и ясная ее композиция.

Мастерство художника есть не что иное, как умение сказать именно то, что хотел сказать, — то, что представилось в спокойные часы обдумывания, а не случайно отвлекло в пылу работы. Проза Бунина — образец настоящего мастерства. Ему всегда удается осуществить замысел. Порой он даже увлекается своим умением и как бы перегружает свои произведения достоинствами: таков знаменитый рассказ о «Господине из Сан-Франциско», почти мертвенный в своем совершенстве. Но чаще он с неистощимым разнообразием играет им, оставляя недоделанными одни куски, дорисовывая до мельчайших деталей другие.

Есть у Бунина короткий рассказ «Грамматика любви». Тема его не новая. При беглом чтении он может показаться искусной стилизацией, вроде картинок во вкусе 30-х годов. Но это одно из удивительнейших созданий русской прозы, печальное, нежное и изящное.

Теперь в моде критические статьи на тему «как сделана» такая-то вещь. «Грамматика любви» дала бы много материала для такой работы.

О прекрасном языке Бунина много писалось. По этому поводу я позволю себе еще раз вспомнить имя Тургенева. Как Тургенев, Бунин чувствует равновесие в процессе творчества: он знает, что язык, как бы богат он ни был, не должен быть развит в ущерб композиции и замыслу, не должен затмевать их. Так платье не должно затмевать прелести человека.

Прекрасный язык Бунина никогда не отяжелает его писаний, не «лезет вперед». Не на нем Бунин выезжает. У нас не так давно был канонизирован в «великие писатели» Лесков, и даже считалось хорошим литературным тоном восхищаться им, причем всегда подчеркивая его язык. В этом, как и в увлечении лесковскими отпрысками, сказалась настоящая болезнь вкуса и взгляда. Одно качество, одна хотя бы и сильно развитая сторона дарования еще не «делают писателя». Эта односторонность только решительнее подчеркивает незначительность дарования. Что есть в Лескове великого и что такое его язык по сравнению с развенчанным языком у Тургенева, не говоря уж о Толстом? В «Дяде Ване», кажется, кто-то замечает, что если у женщины находят удивительные глаза или волосы, то она, наверное, некрасива. Едва ли все благополучно и у писателя, которого настойчиво превозносят за «удивительный» язык.

Бунин был признан в России знатоком народа и его жизни. Он беспристрастный — хотелось бы сказать, беспощадный, — его изобразитель. Его творчество могло бы служить иллюстрацией писем Чаадаева. Если он сам и отрицает это, то это едва ли кого-нибудь переубедит.

Тот читатель, который любит, закрыв книгу, задуматься о ней, иногда даже забыв детали ее содержания, найдет в повестях Бунина много пищи. Что найдут в нем иностранцы, которые стали в последнее время усиленно переводить Бунина? Он их, вероятно, не поразит, как вообще не поражает их все наиболее русское и лучшее из русского.

открытка с провансальским пейзажем.

Очень, очень благодарю, дорогой Марк Александрович!
(А что что-нибудь выймет из этого — не чаю). Какой Ваш новый адрес?

Ваш Ив. Бунин

3. 6.XI.33
Дорогой Марк Александрович, тронут Вашим отношением ко мне чрезвычайно!

Что до дела, то было оно, по-моему, очень серьезно, но вот оказалось, что я «réfugié». Не то что Мер<ежковский>, который, я думаю, давно франц<узский> подданный. И как жаль, что «Посл<едние> нов<ости>» не сохранили этой телеграммы в Saint! Все сразу все узнали — и на rue de Grenelle, конечно, следствием чего, верно, «ящичный профессор»...

Обнимаю Вас от всей души.
Ваш Ив. Бунин

4. 7.IX.33
Дорогой Марк Александрович, Вчера был, конечно, взволнован, получив вместе с письмами от Вас и Б.К.З.<айцева> письмо Могилевского, переславшего мне телеграмму Кальгрена, — я ведь ровно никаких известий не имел (и не имею) на счет премии и потому телеграммой был довольно поражен. Постепенно ответил Вам и Б.К. — ответил экспрессами, но захотелось поскорее сказать Вам обоим, как Вы оба меня тронули своим участием ко мне, но написал обоим очень невразумительно, не могу выразить той простой мысли, что, верно, дело провалится, когда обнаружится полностью, что я эмигрант, — хотя что было бы, если бы я был франц<узский> подданный? — положение Ноб<елевского> комитета, м.б., было бы еще неелее! Сейчас пишу, чтобы еще раз поблагодарить Вас — и попросить: чем бы ни кончилось дело, пусть «Посл<едние> нов<ости>» не пишут, что была телегр<амма> от Кальгрена. Я убежден,

что этого не было бы и без моего письма, но Вера" говорит: все-таки напиши.

Целую Вас с большой любовью. Т.М. привет!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письмо написано между 13 и 16 октября 1933 года. В «Грасском дневнике» Г. Н. Кузнецовой есть запись от 13 октября 1933: «...пришел запрос И. А. из Голливуда — хотят купить у него для фильма «Господина из Сан-Франциско» (цит. по: Литературное наследство. Т. 84, кн. 2. М., 1973. С. 293). В дневнике Бунина 20 октября 1933 года записано: «16-го послал avion Полонскому в Холливуд, 18-го еще» (И. Бунин. Лишь слову жизнь дана. М., 1990. С. 148).

2. Вероятно, имеется в виду эссе Алданова «При чтении Тургенева» (Современные записки. 1933. № 53. С. 412—417).

3. Яков Борисович Полонский (1892—1951) — эмигрантский журналист, литератор и коллекционер, зять Алданова.

4. Татьяна Марковна Алданова (урожд. Зайцева) — жена Алданова.

5. Беженец (фр.).

6. Кандидатура Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865—1941) выдвигался на Нобелевскую премию вместе с кандидатурами Бунина, Горького и Шмелева.

7. В телеграмме из Стокгольма запрашивали о подданстве Бунина.

8. Адрес советского посольства в Париже.

9. Письмо Бунина Борису Константиновичу Зайцеву (1881—1972) от 6 ноября 1933 года, почти дословно повторяющее печатаемое письмо Алданову, опубликовано А. Зверсом в «Новом журнале» (1979, № 134. С. 180).

10. Антон Кальгрэн — шведский филолог, редактор газеты «Дагенс Нюхетер», добивавшийся присуждения Бунину Нобелевской премии.

11. Вера Николаевна Муромцева-Бунина (1881—1961) — жена Бунина.